

Галина Волчек приехала в "Версаль" сразу после репетиции.

— Я не ресторанный человек, — призналась Галина Борисовна. — Если раньше по выходным ходили в баню, потом всем девишником в ресторан, то сейчас этим часто не балуемся.

И тут же, как подали аперитив, вспомнила, как гулял молодой "Современник":

— После спектакля мы ходили... Но не в "Пекин", денег на "Пекин" не было. Когда Олби приехал в Москву, его повели в "Современник". А у нас было принято — гость пришел, значит, надо скинуться по рублю и купить выпивку. Когда собирали, отмосоливая рубли на его глазах, он балдел и ничего не понимал. Через пять минут принесли бутылку. Потом выпивка закончилась, все посмотрели друг на друга и стали скидываться. Олби гордо вытащил свой рубль и еще какую-то крупную купюру, но мы ему — мол, сиди со своими буржуазными замахками.

Дальше история с Олби приняла в глазах всемирно известного драматурга абсурдный характер. Рыская в поисках еды по Москве, его молодые друзья забрели в ресторан ВТО. Но там, как назло, вся еда уже закончилась. Что делать? Среди редких посетителей они высмотрели известную киноактрису **Ольгу Бган**, которая доедала блюдо "Зубрик" — что-то вроде жульена на скорородке.

— Ну ты поела, дай человеку поест, — сказали мы ей и практически из-под носа увели блюдо. Восторг Олби, которого накормили с чужой тарелки, не было конца.

...Рядом с изысканными блюдами "Версаля" и их диковинными названиями воспоминания Волчек о голодном "Современнике" выглядели щемящим ретро. Вот совсем молодые **Табаков, Ефремов, Ква-ша, Толмачева и Волчек** потрошат авоську и термос композитора

Моск. комсомолец, — 1998. — 19 дек. — с 4

"МК" ЗАБИЛ СТРЕЛКУ В "ВЕРСАЛЕ" СВОЛЧЕК

Хозака, писавшего музыку для спектаклей. Или поедают недооцененные посетителями ресторана гостиницы "Советской" котлетки "по-киевски", которыми артистов снабжали монтировщики, аккуратно их, котлеты, обрезавшие. И это считалось шикарным.

— **Галина Борисовна, а вы думали, что после серой московской нищеты и уравниловки спустя много лет будете сидеть в роскошном французском ресторане, причем не в Париже?**

— Ты знаешь, честно — не задумывалась. Мы бежали-бежали, жили-жили.

Тут принесли комплимент для Волчек от шеф-повара — мусс из лосося, который сменил живописный салат "Версаль", ингредиенты которого нормальному человеку неизвестны.

— **У вас есть предпочтения в кухне?**

— Да. Грузинскую люблю. Я умею готовить ее блюда — сациви, лобио, — но никогда не догону грузин в этом деле.

— **А вы успеваете готовить при всей своей занятости?**

— В чем моя может быть расслабловка? Только готовка. К сожалению, я не пью. Спортom не занимаюсь.

— **Я не представляю вас занимающейся спортом.**

— И правильно делаешь. Ни к спорту, ни к технике я не имею никакого отношения. Мне даже ключ собственный от квартиры одно время не доверяли.

— **А как же вы машиной управляли?**

— Много лет ездила! Зимой и летом, в другие города. Но ни разу не заглядывала под капот. Если что — трешку в руку и на дорогу. Потом трешку сменила пятерка.

— **Попадали в ДТП?**

— Еще как. Три раза попадала в аварию, но все три раза была не виновата. Один раз солдатик так на грузовике в меня втхался, что от машины мало что осталось. Я потом еще этого солдатика отмазывала.

Так вот, расслабиться мне позволяет кухня. К ней я отношусь неформально. Если я готовлю, то сочинительством занимаюсь.

Переплюнуть французскую кухню по экзотичности сочетаний продуктов Волчек, со свойственным ей азартом, может быть, и решилась. Одно из названий чего стоят — не названия, а белый стих. Например, "Турт (пирог) с голубиным фаршем с кориандром и арманьяком". В тарелке плавали всего-навсего мелкие моллюски, зато название их вухало священный трепет — "Холодный крем с перцем под облаками с крупнозернистой икрой". Мы тонули в деликатесах, как ананасы в шампанском.

— **А есть вершина кухонного творчества, которой гордится режиссер Галина Волчек?**

— Да. Например, когда я работала в Германии, их звезда, занятая в спектакле, спросила меня: "Галина, что такое "харчо"?". Про харчо она узнала из текста пьесы. Для харчо у меня в Германии не было соответствующих специй и трав. Тогда я артистам сварила солянку рыбную. Вот, может, это и есть моя вершина.

Я — импровизатор на кухне. Котлеты из индейки с курагой — за просто. Внутри курагу кладу, чесночок — несоединимое, вроде бы, а получается — вот так! Но я это редко делаю — ни сил, ни времени нет. Я делаю только, когда приезжает сын, Денис. А для себя — нико-

гда в жизни. Один раз я себя поймала на том, что в воскресенье завтракала у телевизора. А над ним — у меня часы. И вот я завтракаю и все время смотрю на часы. "Что ты смотришь на часы? — говорю себе. — Выходной же"... Бесплезно. Все время живу под этой стрелкой.

— **Когда ваш сын был в переходном возрасте, трудным тинэйджером, у вас были проблемы?**

— Ну конечно. В милицию, слава богу, не вызывали. Но из театрального пансионата "Руза" мне позвонили и сообщили, что он с Антоном Табаковым взорвал туалет. А когда вызвали в школу и училка стала на него жаловаться, я говорю ей: "Что вы хотите? Хотите бить его — ну бейте. Я ничем вам помочь не могу". Ты же знаешь, я сама школу недолюбливала.

— **Ну да, вас даже, кажется, выгнали из средней школы. За что?**

— За что, за что — за хорошую учебу. Я на всю жизнь запомнила имя завуча, которая меня просто ненавидела, — Зинаида Ивановна. Ну я не говорю, что я была ангел, — начнем с того, что у меня было два дневника.

— **Вот с этого места поподробнее, пожалуйста.**

— Один для родителей, а другой подписывал двоюродный брат Рома, которого я склоняла к криминалу. А потом я в экстернат пошла, но и там недолго продержалась.

— **Теперь понятно, что нужно делать, чтобы стать очень хорошим режиссером и очень хорошим худруком крупного театра.**

— Кошмар. Если бы сейчас я имела такого ребенка, то не знаю, чего бы с ним делала.

...В узких рюмках внесли три бледно-зеленых шарика, чем-то залитых, — оказалось, шербет, тонущий в кальвадосе, которым, оказы-

Фото Михаила КОВАЛЕВА

вается, перебивают вкус между блюдами. А тут еще шеф-повар из Париха **Эрик Тассен** лично соизволил нарезать для Галины Борисовны "уточку с апельсинами а-ля лассар".

— Наши дети в других реалиях выросли. И наши воспоминания для них неправомочны. Они другие. Вот сейчас я ставлю "Три товарища" Ремарка. Артисты, которые заняты, — все прекрасные ребята. Но они все не представляют, что такое пережить войну, которую пережили герои Ремарка. Про что может кричать во сне молодой артист? Про то, что "Сникерс" не достался? Про войну он во сне кричать не будет. Поэтому в команду я пригласила ребят, которые воевали в Чечне. Не играть в спектакле, а помогать делать его, как нам в свое время помогли бывшие сталинские ссыльные, когда мы выпускали "Крутой маршрут".

— **Вам как известной личности дарят подарки?**

— Один раз на рынке какая-то женщина мне подарила соленые огурцы. Мой шофер после этого так меня зауважал, как не уважал за мои театральные работы. У меня бывали случаи, когда доллар шел в парикмахерской у меня не брали деньги. Но было и другое: мне сожгли все волосы в итальянской парикмахерской и одели скидку. С ее учетом я заплатила миллион двести шестьдесят, когда доллар шел один к шести. При этом я осталась почти без волос. Когда с меня за что-то стараются не брать деньги, это меня лишает возможности в следующий раз обратиться к людям.

Когда я собралась задать дежурный вопрос о конкретном дне рождения Галины Борисовны, распахнулись белые двери и свита из официантов, сопровождавшая директора "Версаля" **Сергея Смирнова**, внесла здоровенный торт. Не торт — а произведение театрального искусства: вместо розочек — театральные маски, вафельные свитки, изображавшие тексты. Но вершиной кондитерского изобретения была надпись розовым кремом: "Только в театре настоящая жизнь. Весь мир — это театр. В нем женщины и мужчины — все актеры". За подписью, между прочим, Сомерсета Моэма.

"Версаль", надо заметить, Волчек очень шел...